

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

УДК 930.85(410)''18/19''

ВОСПИТАНИЕ И МАНЕРЫ АНГЛИЙСКИХ ЛЕДИ XVIII–XIX ВВ.

Д. Б. Вершинина

Предпринимается попытка представить обобщенный нравственно-психологический портрет английских леди в контексте их воспитания и манер на основе документальных источников (писем и дневников), а также художественных произведений английской литературы XIX столетия.

Ключевые слова: Англия, леди, женское образование, национальный характер.

Престижу Англии, согласно шутливому замечанию, больше, чем экспорт английского угля, содействовал образ джентльмена. Действительно, трудно назвать национальный образ, влияние которого распространилось бы так широко в мире, причем не только в так называемом «благородном» обществе, где он возник, но и за его пределами. При этом, однако, тип английского джентльмена, первые упоминания о котором относятся к XII в., на протяжении многих столетий своего существования претерпевал различные трансформации, среди которых одной из главных было постепенное расширение понятия и его демократизация. С образом джентльмена оказались неразрывно связаны представления об английском национальном характере, ставшем объектом изучения многих исследователей и в самой Великобритании, и за ее пределами. Среди тех, кто обращался к проблемам британской национальной идентичности, были как писатели (к примеру Дж. Б. Пристли [Priestly, 1974] и Г. К. Честертон [Честертон, 1984]), так и ученые – лингвисты, литературоведы, культурологи, историки [Карасик, Ярмахова, 2006; Павловская, 2005; Проскурнин, 2002; Fox, 2005; Hewitt, 2008; Hewitt, 2009; Houghton, 1985; Paxman, 1999].

Великобритания внедрила в культуру тип не только джентльмена, но и леди. Возникнув еще в раннее средневековье (о чем свидетельствуют уже легенды о короле Артуре и его жене леди Гвиневере), распространившись в эпоху куртуазной любви, когда появился культ Прекрасной Дамы, понятие и сам тип «леди» окончательно утвердились в английском обществе начиная с XVI–XVIII вв., достигнув апогея своего развития в XIX столетии.

М. Оссовская писала о содержании термина «джентльмен»: «В Оксфордском словаре поначалу главным выступает знатное происхождение, генеалогическое древо, право ношения герба. В более поздних определениях подчеркиваются личные достоинства» [Оссовская, 1987, с. 133]; думается, что эти слова можно применить и к наименованию «леди», поскольку история показывает, как оба типа постепенно теряли свое первоначальное специфически классовое содержание и приобретали все более очевидное этическое, культурное значение. В статье предпринимается попытка представить обобщенный нравственно-психологический портрет английских леди в контексте их воспитания и манер на основе документальных источников (писем и дневников), а также художественных произведений английской литературы XIX столетия.

Практически все путешественники, посетившие Англию в XVII–XIX вв., восхищались красотой англичанок. Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал: «Англичанок нельзя уподобить розам; нет, они почти все бледны – но сия бледность показывает сердечную чувствительность и делается новою приятностию на их лицах» [Карамзин, 1964, с. 430]. Сумароков подтверждал мысль Карамзина по поводу того, что «Англию можно назвать землею красоты» [Там же, с. 432]: «Лондон есть метрополия прелестей. Не пройдеши и ста сажень и начтешь двадцать красавиц» [Ерофеев, 1987, с. 199]. В последние годы XVIII в. немецкий пастор, живший в Лондоне, замечал: «Я действительно полагаю, что ни в какой другой стране невозможно встретить так много привлекательных женщин, как в Англии» [Raynolds, 1998, p. 36].

Однако в вопросе о манерах англичанок наблюдатели расходились во мнениях. По замечанию Карамзина, «женщины и в Лондоне очень хороши, одеваются просто и мило; все без пудры, без румян, в шляпках, выдуманных грациями. Они ходят, как летают...» [Карамзин, 1964, с. 438].

Другой русский путешественник, напротив, утверждал, что лондонки «одеваются без вкуса, манеры и походка не так грациозны, как у француженок» [Ерофеев, 1987, с. 199]. При этом упомянутые авторы, безусловно, апеллировали к манерам и вкусу англичанок из аристократических кругов.

Леди и джентльмены всегда очень серьезно относились к воспитанию своих дочерей; особенное внимание к образованию джентльмена (в первую очередь) и леди начало проявляться уже в XVII в. Можно согласиться с В. Мацкевичем, утверждающим, что усиление демократических тенденций в английском обществе второй половины XVII столетия неизбежно должно было вызвать большее внимание к проблемам образования и воспитания: «Наращение демократических тенденций в английском обществе привело к тому, что управление государством было изъято из рук родовой аристократии, и к управлению государством, хозяйством стали приходить демократические слои населения... Со времен Локка само по себе понятие элиты или джентльмена начало пониматься как результат культуры, воспитания и образования» [Мацкевич, 1993, с. 96–97].

Упоминание имени Локка в контексте воспитания леди совершенно не случайно. Основные мысли выдающегося английского философа и просветителя по поводу воспитания и педагогический опыт, накопленный в работе преподавателя и домашнего воспитателя, наиболее полно представлены в работе «Мысли о воспитании» (1693). Естественно, речь здесь идет о воспитании джентльмена, а не леди, однако сам философ замечает: «Высказывая изложенное, я имел в виду мальчика, потому что главная цель моего рассуждения заключается в выяснении надлежащих методов воспитания молодого джентльмена начиная с детских лет. Эти методы не могут во всем подходить к воспитанию детей; однако нетрудно будет разобрать, в чем различие пола требует применения различных приемов воспитания» [Локк, 1989, с. 147]. В труде Локк предлагал целую программу обучения, главным принципом которой являлись постепенность и взаимосвязанность предметов. Педагогические труды Дж. Локка несли одну очень важную мысль: процесс становления и воспитания человека – это единство физического, психического и умственного его развития. Именно эта мысль философа представляется важной при обращении к женскому образованию в Англии XVIII–XIX вв.: в дома специально нанимались воспитатели и учителя, обучавшие девочек языкам и другим предметам. Акцент, однако, в отличие от воспитания мальчиков, делался прежде всего на занятиях музыкой, танцами, рисованием, рукоделием. Именно это должна была в первую очередь знать и уметь английская девушка, чтобы ее назвали образованной в XVIII–XIX вв.

Яркие примеры отношения британцев к проблеме женского образования представляет английская женская литература, расцвет которой в XIX столетии, безусловно, демонстрирует процесс осмысления британскими интеллектуалками своих прав и привилегий, равно как и ограничений, наложенных на их судьбу принадлежностью к «слабому полу».

В романе Джейн Остен «Гордость и предубеждение» между героями возникает спор по поводу определения «образованная леди». Чарльз Бингли утверждает, что все молодые леди «рисуют пейзажи, раскрашивают экраны и вяжут кошельки», в то время как, по мнению его сестры, «настоящему образованным может считаться лишь тот, кто стоит на голову выше всех окружающих. Женщина, заслуживающая это название, должна быть хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка – иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину». Один из центральных героев романа мистер Дарси, заметивший, что «не мог бы похвастаться, что среди знакомых... женщин наберется больше пяти-шести образованных по настоящему», к списку всех качеств, предложенных мисс Бингли, добавил «нечто более существенное – развитый обширным чтением ум», а главная героиня, Элизабет Беннет, резюмировала спор утверждением, что «никогда не видела, чтобы в одном человеке сочетались все те способности, манеры и вкус, которые были... перечислены» [Остен, 1988а, с. 404–405]. Следует согласиться с автором романа и ее героиней в том, что созданный образ является идеалом, к которому стремились все девушки. Уже одно то, что положительными героинями этого романа, торжествующими в его финале, являются старшие сестры Беннет – чрезвычайно начитанные молодые леди, которых Остен делает по характеру и образу мышления похожими на их отца мистера Беннета, который, как видно из романа, был действительно образованным человеком, дает основания говорить о комплексности (по Локку) воспитания и образования молодых дам во времена Остен.

Многие женщины высших слоев общества могли всю свою жизнь заниматься самообразованием. В домах с хорошей библиотекой они получали возможность узнать много нового для себя и

часто не пренебрегали этим. В том же романе Джейн Остен показывает, как приехавшая в Незерфилд навестить свою больную сестру Джейн мисс Беннет предпочла играм чтение, чем удивила многих: «Мистер Херст посмотрел на нее с удивлением: – Вы играм предпочитаете чтение? – спросил он. – Странно!» [Там же, с. 402].

Самообразование, а также занятия с домашними учителями, на что делал упор Локк в своих работах, нередко были дополнением к образованию, получаемому в пансионах. Обычно в них обучали тому же комплексу предметов, что девочки могли получить и дома, но там, во-первых, будущие леди погружались в более строгую атмосферу, а во-вторых, в пансионах был сделан гораздо больший акцент на трудовое воспитание. Розамонда Винси из романа Джордж Элиот «Мидлмарч» получила образование в лучшем в графстве пансионе миссис Лемон, где, как пишет автор, «благородных девиц обучали всему, что необходимо знать светской барышне – вплоть до отдельно оплачиваемых уроков, как входить в карету и как выходить из нее» [Элиот, 1988, с. 102]. Розамонду, действительно, многие считали лучшей девушкой в Мидлмарче, однако образ этот, безусловно, иронический. Элиот показывает нам, как девушка из среды не очень крупной буржуазии стремится стать настоящей леди: она «была прилежна и... с особым усердием писала акварелью пейзажи и портреты приятельниц, упражнялась на фортепиано и с утра до ночи вела себя в точном согласии со своими представлениями о том, какой должна быть истинная леди... Она находила время читать самые лучшие романы, а также и не самые лучшие, и знать наизусть множество стихов. Любимым своим произведением она назвала бы “Лалла-Рук” [Там же, с. 165–166] (романтическая поэма английского поэта Томаса Мура, пользовавшаяся в 1830-е гг. большой популярностью. – Д. В.). Со всем другого рода книги читала героиня этого же романа Доротея Брук, «занятая судьбами рода человеческого, видевшимися ей в озарении христианской веры...» [Там же, с. 22]: она знала наизусть множество отрывков из «Мыслей о религии и о некоторых других вопросах» французского философа Паскаля Блеза, а также из трудов английского богослова Джереми Тейлора.

Марианна Дэшвуд из романа Остен «Чувство и чувствительность» читала Уильяма Каупера и Джеймса Томсона, английских поэтов-сентименталистов, а также Вальтера Скотта. Один из главных героев, Эдвард Феррарз, сказал о ней так: «А книги! Томсон, Каупер, Скотт – она покупала бы их без устали, скупала бы все экземпляры, лишь бы они не попали в недостойные руки!» [Остен, 1988б, с. 113].

Примеры стремления девушек к самообразованию есть и в частных письмах, и в дневниках: к примеру, Сэмюэл Палмер в письме, адресованном мисс Джулии Ричмонд в сентябре 1866 г., рекомендует ей прочитать Торкватто Тассо, достаточно сложного для простого читателя итальянского поэта эпохи позднего Возрождения, но следом, подчеркивая образованность своего адресата, добавляет: «Хотя Вы уже наверняка читали его в оригинале» [The Oxford..., 1996, p. 297]. Фанни Берни в своем дневнике упоминает, что читала Сервантеса, Шатобриана, Цицерона, Дизраели, Драйдена, Шекспира, Скотта, Свифта, Жермену де Сталь, Вольтера и многих других не менее известных авторов [Burney, 1986]. Не менее длинный список литературных пристрастий можно составить и по дневнику Дороти Вордсворт, где среди прочитанных книг упоминаются «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Макбет», «Король Джон», «Тимон Афинского», «Напрасные усилия любви» Шекспира, «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Дон Кихот» Сервантеса и т. д. [Journals..., 1980].

В Англии XVIII–XIX вв. существовал определенный идеал женского поведения, канон истинной леди, следовать которому девочки должны были с ранних лет: «содержать себя в чистоте, быть утонченными, изящными, элегантными, тихими и спокойными» [Davidoff, Hall, 1987, p. 398]. В 1616 г. Джервис Маркхем определил по-своему то, к чему должны стремиться англичанки, обозначив тем самым мужскую мечту об истинной женственности: «Наши английские жены должны обладать целомудренными мыслями, решительной храбростью, выдержкой, быть неутомимыми, бдительными, прилежными, остроумными, приятными, постоянными в дружбе, полными привлекательного соседства, мудрыми в речах» [Priestly, 1974, p. 36]. Дж. Пристли в книге «Англичане» говорит о том, что более соответствуют такому типу женщины тюдоровских и стюартовских времен, когда представительницы высших слоев, безусловно, не были пустышками, а, напротив, обладали собственными суждениями и зачастую получали классическое образование (достаточно вспомнить дочерей Томаса Мора, Марию Тюдор и Елизавету I, дочерей Оливера Кромвеля и Джона Мильтона). Несколько иначе обстояло дело в XVIII в., когда все чаще стал возникать образ

«пустышки»; к началу же XIX столетия «английские женщины приобрели то, что можно назвать истинно английским стилем поведения: иррациональное, инстинктивное ушло в сторону, и образованный англичанин стал полагаться спокойным, холодным, полностью рассудительным, как римляне лучших лет (и это перешло к женщинам)» [Там же, с. 48]. По мнению Г. Перкина, викторианство – один из кульминационных моментов «глубоких изменений в национальном характере», когда «англичане перестали быть одной из самых агрессивных, грубых, буйных, прямых, разгульных, жестоких и кровожадных наций в мире и превратились в одну из самых сдержанных, вежливых, опрятных, чувствительных, не в меру щепетильных и лицемерных наций» [*Проскурнин*, 2004, с. 9].

Именно такими спокойными и рассудительными изображены многие героини английских романов XIX в.: Джен Эйр из одноименного романа Шарлотты Бронте, сестры Элизабет и Джейн Беннет из романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение», Элинон Дэшвуд из романа «Чувство и чувствительность» той же Остен, Доротея Брук из романа Джордж Элиот «Мидлмарч», леди Дедлок из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом», аристократка Эдит Грейнджэр из его же романа «Домби и сын». Несмотря на то что всех их постигают беды и горести, они держат эмоции внутри и ведут себя очень сдержанно. К примеру, по коллизии романа «Чувство и чувствительность» Элинон Дэшвуд была посвящена в тайну человека, которого любила, и, узнав, что Эдвард Феррарз уже четыре года помолвлен с мисс Люси Стил, «на несколько мгновений онемела от растерянности, так она была поражена. Но затем, принудив себя заговорить и тщательно выбирая слова, произнесла со спокойствием, которое в достаточной мере скрывало ее изумление и горечь...». В дальнейшем, глубоко страдая, Элинон четыре месяца хранила в себе эту тайну, объясняя свой поступок, представлявшийся ее сестре Марианне поистине героическим, следующим образом: «Я обещала Люси сохранить ее тайну...» [*Остен*, 1988б, с. 157]. Именно такое поведение – умение сдерживать свои эмоции – и считалось одним из признаков благородного поведения. Поэтому Джен Эйр, Элизабет Беннет и других героинь, в действительности не принадлежащих к высшему классу, можно назвать леди за их достойное поведение. Такая трансформация понятия «леди» из понятия классового и социального в культурное и этическое произошла в Англии как раз в середине XIX в. Викторианская эпоха поставила вопрос о том, можно ли назвать леди любую женщину из высшего класса. К примеру, леди Кэтрин де Бер, представительница крупной аристократии, ведет себя по отношению к Элизабет Беннет и ее семье, джентри, находящимся ниже на социальной лестнице, не совсем порядочно, обращаясь с ними свысока: «Войдя в комнату с более чем всегда, бесцеремонным видом, леди Кэтрин ничем, кроме легкого кивка, не ответила на приветствие Элизабет и, не говоря ни слова, уселась в кресло» [*Остен*, 1988а, с. 792].

Надо отметить, что в реальности многие аристократы поддерживали в себе такое отношение к средним классам и видели в них порой большую опасность, чем в рабочих. Сэр Генри Булвер писал графине Дерби: «...средний класс не обладает ни энергией, ни духовной высотой, чтобы управлять правительством...» [*Raynolds*, 1998, р. 14]. Подобное восприятие аристократии как исключительного социального слоя постепенно принимало форму снобизма, который становился важной чертой английской нации и английского образа жизни. В «Книге снобов» Теккерей дает множество примеров снобизма, процветающего везде: в Сити, в университетах, в литературе, в политике. Снобизм, по утверждению писателя, охватил и сферы личной жизни: семью, клубы. Свое открытие Теккерей справедливо называет великим, а свой труд «Трудом с прописной буквы» [*Теккерей*, 1975, с. 318], определяя сноба как человека, угодливого по отношению к вышестоящим и высокомерного к стоящим ниже. Немало снобов Теккерей видит и среди английских леди: «...по натуре ни одной женщине это чувство не свойственно, однако привычка всех окружающих раболепствовать и заискивать перед этой прекрасной и величественной дамой – обладательницей такого множества черных и всяких других брильянтов – и в самом деле заставило ее поверить, что она выше всех на свете и что люди не вправе с ней общаться, разве только с почтительного расстояния» [Там же, с. 330]. Сатирически изображая подобных леди, Теккерей показывает, что все они такие же снобы, как и мужчины: весьма уважаемая и почтенная дама миссис Скряггинс (фамилия далеко не случайна) «останется снобом, пока так непомерно высоко ценит себя, свое имя, свою внешность и наслаждается этим нестерпимым высокомерием; пока, бывая на людях, чванится, подобно Солomonу во всей славе его...» [Там же, с. 341].

Этот портрет, несомненно, напоминает описание леди Кэтрин де Бер: «Она ничем к себе не располагала, и в ее манерах не чувствовалось желания хозяйки, чтобы ее гости забыли о своем бо-

лее низком общественном положении. Она не наводила страха молчанием, но все, что она говорила, произносилось не допускающим возражений тоном, подчеркивавшим значительность ее особы...» [Остен, 1988а, с. 529]. У некоторых аристократок снобизм достигал необычайной силы. Леди Далхаузи в письме мужу утверждала: «Те, кто не рожден в соответствии с титулом, хороши на своих местах, но не в аристократических салонах и гостиных» [Raynolds, 1998, p. 14].

Примечательно, что наиболее заинтересованы в защите привилегий аристократии, которые существовали не формально, а на бытовом уровне (в политике, например, министром мог стать и не аристократ: яркий пример тому – Дизраели), были те, чье собственное аристократическое положение было достаточно шатким. Примером может служить высказывание леди Фокс, вышедшей замуж не за лорда: «Мое сердце глубоко опечалено тем, что исчезают привилегии класса» [Там же].

Конечно, отнюдь не все леди проявляли такое высокомерное отношение к средним классам, и многие из них стремились к тому идеалу, что существовал в течение многих веков. Однако для всех из них желательный образец женского поведения в Англии XVIII и XIX вв. был неразрывно связан с представлением о женщине как о хранительнице домашнего очага, что непосредственным образом отражалось на воспитании и манерах английской аристократки. Замужество оставалось нормативным институтом для женщин, независимо от того, к какому классу они принадлежали, а идея семьи организовывала жизнь большинства людей в английском обществе, поэтому вся система воспитания англичанок была нацелена на воспитание будущей жены и матери. В то же время на протяжении XVIII–XIX вв. стала проявляться заинтересованность английских женщин в событиях жизни социальной, выходящей за рамки только домашних проблем, начался процесс пробуждения женского сознания, что ярко демонстрирует стремление английских леди к самообразованию.

Библиографический список

- Burney F. Selected Letters and Journals / ed. by J. Hemlow. Oxford, 1986.
- Davidoff L., Hall C. Family Fortunes. Men and Women of the English Middle Class, 1780–1850. L., 1987.
- Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. L., 2005.
- Hewitt K. The English Gentleman: Getting Behind the Stereotype // Hewitt K. Understanding British Literature. Пермь; Oxford, 2008.
- Hewitt K. Understanding Britain Today. Oxford, 2009.
- Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. New Haven; L., 1985.
- Journals of Dorothy Wordsworth. Oxford; N.-Y.; Toronto; Melbourne, 1980.
- Paxman J. The English: A Portrait of a People. L., 1999.
- Priestly B. The English. L., 1974.
- Raynolds D. Aristocratic Women and Political Society in Victorian Britain. Oxford, 1998.
- The Oxford Book of Letters / ed. by F. Kermode and A. Kermode. Oxford; N.-Y., 1996.
- Ерофеев Н. А. Туманный Альбион и англичане глазами русских, 1823–1853. М., 1987.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М., 1964. Т. 1.
- Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М., 2006.
- Локк Дж. Мысли о воспитании // Педагогическое наследие. М., 1989.
- Мацкевич В. Полемиические этюды об образовании. М., 1993.
- Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
- Остен Дж. Гордость и предубеждение // Остен Дж. Собрание сочинений. М., 1988а. Т. 1.
- Остен Дж. Чувство и чувствительность // Остен Дж. Собрание сочинений. М., 1988б. Т. 1.
- Павловская А. В. Англия и англичане. М., 2005.
- Проскурнин Б. М. О новых подходах к викторианству как социокультурному прецеденту // Вестн. Перм. ун-та. Вып. 4. Иностранные языки и литературы. Пермь, 2004.
- Проскурнин Б. М. Викторианский менталитет и английская культура XX века (постановка проблемы) // Национальный менталитет и языковая личность: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2002.
- Теккерей У. М. Книга снобов // Теккерей У. М. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1975. Т. 3.
- Честертон Г. К. Об англичанах за границей // Честертон Г. К. Писатель в газете: худож. публицистика. М., 1984.
- Элиот Дж. Мидлмарч. М., 1988.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.10.2010